

Часть первая
ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

*И дух и невеста говорят: прииди!
И слышавший да скажет: прииди!
И жаждущий пусть приходит,
И желающий пусть берет
воду жизни даром¹.*

*Я бросил взгляд в будущее
И изумился.*

¹ Откровение Святого Иоанна Богослова. 22:17. —
Здесь и далее примеч. пер.

Все говорили, что Джон, когда вырастет, тоже будет проповедником, как и отец. Это повторяли настолько часто, что Джон и сам привык так считать. Он не задумывался об этом до того дня, когда ему исполнилось четырнадцать, но тогда уже было поздно что-либо менять.

Его ранние воспоминания — можно сказать, и единственные — были связаны с веселой суматохой воскресного утра. В этот день все вставали в одно время. Отец, которому не надо было идти на работу, молился с ними до завтрака. Мать одевалась особенно нарядно и с распрямленными волосами выглядела почти молодой, на голове у нее плотно сидел белый чепец — обязательный атрибут для набожных женщин. Младший брат Рой был непривычно притихшим в присутствии главы семейства. Сара, любимица отца, вплетала в волосы алую ленту. Малышку Руфь в бело-розовом платице мать несла в церковь на руках.

Церковь находилась недалеко — в четырех кварталах от них, на углу Ленокс-авеню, почти рядом с больницей. Именно в этой больнице мать родила Роя, Сару и Руфь. Джон плохо пом-

нил время, когда мать впервые отправилась туда. Рассказывали, что он плакал постоянно, пока она отсутствовала, и с тех пор всякий раз, когда мать начинала раздаваться в талии, его охватывал ужас. Джон знал: дело закончится тем, что ее увезут и она вернется с очередным ребенком. Да и сама мать с каждой такой отлучкой словно отдалялась от него. По словам Роя, скоро ей опять придется уехать — а он в таких вопросах разбирался лучше старшего брата. Джон внимательно присмотрелся к матери, но перемен не заметил, хотя услышал, как отец во время утренней молитвы упомянул о «маленьком путешественнике, который скоро прибудет к их семье». Тогда он понял, что Рой не ошибся.

С тех пор как Джон себя помнил, каждое воскресное утро семейство Граймс выходило из дома и шествовало в церковь. С обеих сторон улицы на них взирали грешники — мужчины с тусклыми глазами и серыми лицами, в субботней одежде, успевшей за день испачкаться и помяться; и громогласные женщины в ярких, в обтяжку платьях, с сигаретами, торчавшими между пальцами или из уголков рта. Они болтали, смеялись либо коллошматили друг друга, причем женщины не уступали в драках мужчинам. Проходя мимо, Джон и Рой обменивались многозначительными взглядами: Джон — смущенно, а Рой — озорно. Если Господь не поможет, Рой, когда вырастет, станет таким же, как они. Мужчины и женщины, которых они видели в воскресное утро, провели пре-

дыдущий вечер в барах или борделях, на улицах или на крышах, а то и под лестницей. Они напились допьяна. Легко переходили от ругани к веселью, от гнева к похоти. Однажды они с Роем заметили в подвале полуразрушенного дома мужчину и женщину. Они занимались *этим* стоя. Потом женщина потребовала пятьдесят центов, и тогда в руках у мужчины сверкнула бритва.

Джон сильно испугался и постарался никогда больше там не появляться и подобного не видеть. А вот Рой наблюдал — и не раз, и даже рассказывал Джону, что сам проделывал такие штуки с девчонками из соседнего квартала.

Мать с отцом, посещавшие по воскресеньям церковь, тоже этим занимались, и Джон порой слышал в спальне за стенкой их возню — шум смешивался с копошением и писком крыс, а также с музыкой и проклятиями, доносившимися снизу из борделя.

Их церковь — Храм Крещения Огнем — не была самой крупной в Гарлеме, но и малочисленной ее не назовешь. Джона приучили верить, что лучше и благодатней ее не бывает. Отец был там старшим преподобным — одним из двух. Второй — преподобный Бретуайт, тучный чернокожий, собирал денежные взносы и иногда читал проповеди. Пастор, отец Джеймс, добродушный толстяк с лицом круглым, как черная луна, проводил службы на Пятидесятницу, пробуждал религиозные чувства верующих в летних воскресных классах, совершал миропомазания и лечил больных.

По воскресеньям на утренних и вечерних службах церковь была заполнена, а в праздники прихожане вообще толпились там целый день. Семейство Граймс являлось в полном составе, всегда чуть позднее, обычно в середине воскресной школы, которая начиналась в девять часов. Виновницей опозданий всегда была мать — так, во всяком случае, считал отец; ей никак не удавалось вовремя собрать детей и привести в порядок себя. Случалось, Граймсы вообще приходили только к заутрене. Войдя в церковь, они разделялись: отец с матерью садились на места для взрослых — там занятия вела сестра Маккендлес; Сара шла в класс для малышей, а Джон и Рой присоединялись к подросткам, которых наставлял брат Илайша.

В младшем возрасте Джон не выказывал большого прилежания в воскресной школе и часто многое забывал из Священного текста, что вызывало у отца гнев. К четырнадцати годам, когда семья и школа дружно подталкивали его к алтарю, он старался быть серьезнее и тем самым меньше бросаться в глаза. Однако Джона смущал новый учитель — Илайша, племянник пастора, недавно приехавший из Джорджии. Ему было всего семнадцать лет — немногим больше, чем Джону, но он уже «спас» душу и стал проповедником. На уроках Джон не спускал с Илайши глаз: он восхищался тембром его голоса, более глубоким и мужественным, чем у него самого; любовался, как тот выглядит в воскресном ко-

стюме — стройный, изящный, сильный, с очень темной кожей. Интересно, станет ли Джон когда-нибудь таким же праведным, как Илайша? Из-за этих мыслей он плохо следил за уроком и, когда Илайша вдруг задавал ему вопрос, терялся, путаясь и чувствуя, как увлажняются руки, а сердце начинает биться с удвоенной силой. Илайша улыбался, мягко укорял ученика и продолжал рассказ.

Рой тоже никогда толком не знал урока, но с ним дело обстояло иначе — никто не ждал от него того же, что от Джона. О Рое молились, чтобы Бог вразумил его, а вот от Джона ожидали многого.

После воскресной школы перед заутреней устраивали небольшой перерыв. Если погода была теплая, пожилые люди дружно выходили на улицу, чтобы перекинуться парой слов друг с другом. Женщины почти всегда были во всем белом. Маленькие дети, наставляемые старшими, изо всех сил старались вести себя в этот день хорошо, чтобы не выказать неуважения к Божьему храму. Но порой срывались — из упрямства, или нервы не выдерживали, — тогда они начинали кричать или плакать и бросаться друг в друга сборниками церковных гимнов. В этом случае прихожане прибегали к мерам — строгим или не очень, в зависимости от того, как было принято в общине. Дети постарше, вроде Джона и Роя, слонялись по улице, однако далеко от церкви не отходили. Отец не выпускал сыновей из поля зрения,

зная, что Рой частенько исчезает после воскресной школы, и тогда ищи его свищи.

Воскресная утренняя служба началась с того, что брат Илайша сел за пианино и заиграл гимн. Джону казалось, будто эта музыка вошла в него при рождении, с первым вдохом. В нем всегда жил этот момент ожидания... Вот паства замирает в предчувствии гимна — сестры в белом и братья в синем поднимают и запрокидывают головы; белые чепцы женщин светятся коронами в наэлектризованной атмосфере; мерцают курчавые головы экзальтированных мужчин; прекращаются шелест и шепот; дети тоже замолкают. Разве кто-нибудь кашляет, или с улицы донесется звук клаксона, а то и смачное ругательство. Но вот Илайша ударяет по клавишам и запекает, прихожане подхватывают гимн, хлопают в ладоши, встают с мест и бьют в барабаны.

«Припав к кресту, где распят Спаситель!» — могут они петь.

Или: «Иисус, я никогда не забуду, как ты освободил меня!»

Или: «Боже, поддержи меня, пока я бегу!»

Люди пели во весь голос и хлопали от радости в ладоши. Джон с изумлением и ужасом следил за их буйным весельем. Такое пение заставляло верить, что Бог находится среди них. И дело было уже не в вере — они делали Его присутствие реальным. Сам Джон не испытывал их восторга, однако не сомневался, что остальные переживают духовное просветление. Что-то происходи-

ло с лицами и голосами верующих, ритмичным движением тел, с самим дыханием; они словно были уже на небесах, там, где парит Дух Святой. Грозное лицо отца становилось еще страшнее, обычное раздражение превращалось в гнев пророка. Воздетые к небу глаза матери, простертые в движении руки оживляли для Джона то, о чем он читал в Библии и что не мог представить воочию: терпение, стойкость, долгое мучительное страдание.

Воскресным утром все женщины казались терпеливыми, а мужчины — могучими. Джон ждал, когда на кого-нибудь снизойдет Дух... И вот раздался крик, долгий, бессловесный, руки просветленного раскинулись, как крылья, и начался танец. Кто-то отодвинул скамьи, освобождая место, стихло пение, барабаны не отбивали больше ритм, слышались только дробь подошв и хлопки ладоней. Потом раздался другой крик, в круг вошел еще один танцор, и тут вновь вступили барабаны, и началось пение. Музыка врывалась внутрь, подобно огню, наводнению или суду Божьему. Церковь как бы покачивалась, подобно планете в космосе. Джон смотрел на лица прихожан, на ставшие будто невесомыми тела и слушал непрекращающиеся крики. Ему говорили, что когда-нибудь и на него снизойдет Дух и он тоже будет петь и кричать, как они сейчас, и танцевать перед Богом. Джон видел, как юная Элла-Мэй Вашингтон, семнадцатилетняя внучка благочестивой матушки Вашингтон, вошла

в круг и принялась танцевать. А за ней поднялся и Илайша.

В какой-то момент он сел за пианино, стал играть и петь — голова запрокинута, глаза закрыты, пот выступил на лбу, но вдруг напрягся, по телу прокатилась дрожь, и из глубины его существа вырвался крик: «Иисус! Иисус! О, Господь мой!»

Илайша в последний раз ударил по клавишам, инструмент издал какой-то первобытный, дикий звук, юноша поднял руки ладонями вперед и развел их в стороны. Стук барабанов мгновенно заполнил пустоту, а крик Илайши подхватили другие прихожане. Поднявшись, он повернулся, искажившееся лицо налилось гневом, мускулы заиграли на длинной темной шее. Казалось, Илайша не мог дышать от вошедшей в него страстной силы и — как знать! — мог просто раствориться в наэлектризованном воздухе. Напряженные до кончиков пальцев негнущиеся руки задвигались по бедрам, и он начал танцевать, устремив ввысь невидящий взгляд. Затем его руки сжались в кулаки, голова упала на грудь, а пот смешался с жиром на волосах. Илайша задал такой темп, что другим пришлось ускорить свой; его бедра бешено ходили под одеждой, каблуки отбивали ритм, а кулаки металась вдоль тела, будто он играл на барабане. Посреди кружившихся в танце прихожан Илайша, опустив голову, молотил кулаками по призрачному барабану, все быстрее и быстрее, это было уже невыносимо, казалось, стены сей-

час рухнут, а потом вдруг с криком поднял голову, взметнул высоко руки, с лица его тек пот, однако тело продолжало танцевать, и конца этому не было. Он не останавливался, пока не упал, не рухнул, как животное от удара молотом, с выражением муки на лице. И долгий стон прокатился по храму...

В их церковь проник грех. Однажды утром после окончания службы отец Джеймс снял покров с этого греха перед паствой. Согрешили Илайша и Элла-Мэй. Ступили на «путь неправедный», и существовала опасность, что они отойдут от истины. самого страшного они пока не совершили, говорил отец Джеймс, нельзя срывать незрелый плод с дерева раньше времени — можно набить оскомину. Сидя на своем месте, Джон испытывал головокружение от его слов и не мог посмотреть на Илайшу и Эллу-Мэй, находившихся около алтаря. Все время, пока говорил отец Джеймс, присутствующие в церкви перешептывались, а Илайша стоял, опустив голову. И Элла-Мэй не была такой красивой, как раньше, когда пела и на нее нисходил Дух. Теперь она выглядела обычной испуганной девочкой. Губы распухли, глаза потемнели — от стыда, или злости, или от того и другого. Бабушка, которая ее воспитала, сидела, сложив на коленях руки, и внимательно слушала пастора. Она являлась одним из столпов церкви, известной евангелисткой. Ни слова не произнесла в защиту внучки, понимая, как и остальные верующие, что отец Джеймс лишь исполняет свой